15. Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. Указ. соч. – С. 71–72, 76.
16. Там же – С. 77.
17. Zosimi historia nova. I, 23, 3; Ioannis Zonarae epitome historiarum. XII, 20,
18. Zosim. I, 25; Zon. XII, 21.
19. Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. Указ. соч. – С. 77
20. Пиоро И. С., Герцен А. Г. Клад антонинианов из с. Долинное Крымской области // Нумизматика и сфрагистика. – 1974. – № 5. – С. 81-90.

Катунина Е.В.

МЕННОНИТЫ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX вв.

Изучение культурного наследия народов, проживающих сегодня в Крыму, является одной из наиболее актуальных тем исторической науки. Особую роль в жизни полуострова сыграли немцы-колонисты, исповедовавшие меннонитство.

Цель данной работы – проанализировать влияние немцев-меннонитов Таврической губернии на сложные исторические события XIX – первой половины XX века. Для реализации поставленной цели необходимо выполнить следующие *задачи*: рассмотреть причины переселения меннонитов на юг России; выявить факты, свидетельствующие о помощи немцев-меннонитов русской армии во время Крымской войны 1853–1856 годов; определить состояние, в котором оказались немцы-меннониты в период первой мировой войны; выяснить причины изменения идеологии меннонитства в период Гражданской войны и в 20-е годы XX века.

Данная проблема рассматривалась многими украинскими и зарубежными исследователями. Большой интерес, на наш взгляд, представляет сборник статей «Немцы в Крыму», в котором авторы, используя фондовые материалы Крымского этнографического музея и научной библиотеки «Таврика» им. Х. Стевена, фонды ГА АРК, показали историю и культуру немцев Крыма. Исследованием данной проблемы занимались Ю.Н. Лаптев, В.Ю. Ганкевич, С.Г. Кащенко, И.Г. Остроух, Е.А. Шервуд, Л.И. Дайнеко и другие.

В 30-х гг. XVI в. в Нижнерейнской области Германии под влиянием умеренных анабаптистов, активизировавшихся после разгрома народных движений в 1534–1535 годах и Мюнстерской коммуны, начало формироваться новое религиозное течение. Во главе его стал бывший голландский католический священник Менно Симонс. Меннониты рассматривали свои общины как «общины святых», «возрождённых богоизбранников» [1 , с. 273]. В 1632 году на Дартской конференции были утверждены основы меннонитского вероучения [2, с. 462]. Помимо основополагающих принципов спасения и всеобщего священства в канон нового учения вошли следующие фундаментальные основы протестантизма: покаяние в грехах, сознательное крещение по вере, хлебопреломление (причащение), омовение ног, церковное отлучение, отказот любых клятв (в том числе от присяги) и военной службы. Меннониты самоизолировались от государства и общества. Культовые обряды меннонитов носили упрощённый характер. Храм был заменен обширными молитвенными домами без всякого убранства. Во время церковных церемоний меннониты, сидя на скамьях, внимали слову проповедника. Духовные старшины и проповедники меннонитов исполняли свои обязанности безвозмездно.

Усиление в 40–50 годах XVI века в Нидерландах репрессий против «еретиков» вынудило многих меннонитов эмигрировать. Значительная часть из них бежала в Америку и Польшу. Из Польши в Россию меннониты стали переселяться в 1789 году после указа Екатерины II. Царский указ от 7 сентября 1787 года предоставил меннонитам–переселенцам ряд социально-экономических льгот и привилегий.

В Таврии первые поселения меннонитов появились на правом берегу Днепра в районе о. Хортица. В 1793 году после второго раздела Польши процесс переселения меннонитов в Россию еще более активизировался. Им были отведены обширные земли в Таврической губернии, около реки Молочные воды [3, с. 273]. В 1803–1804 и в 1819–1820 годах здесь были образованы меннонитские колониальные поселения.

В конце 60-х годов XIX века «прусские» меннониты прислали прошение Таврическому губернатору с просьбой о переселении их на свободные земли в Крыму. Ю. Н. Лаптев в работе «Переселение немцев в Крым и основание колоний (XIX в.)» указывает на то, что просьба меннонитов о переселении была рассмотрена в 1868 и в 1870 годах, – им было разрешено вступить в подданство Российской империи и селиться на купленных ими в Крыму землях [4, с. 18]. И.Г. Остроух и Е.А. Шервуд сообщают об основании в 1862 году меннонитской колонии Карасан (Симферопольский уезд, ныне с. Ровное Красногвардейского района), а в 1882 году – колонии Спат (Симферопольский уезд, ныне территория пгт. Гвардейское Симферопольского района).

Меннониты, переселившиеся на Крымский полуостров, имели особое этническое самосознание. Часть из них считала своим родным языком немецкий, в тоже время часть меннонитов осознавала себя «особой нацией» или голландцами. Меннониты были объединены в сельские поземельные общины, полноправным членом

которой считался хозяин полного (65-десятинного) надела, и в религиозные общины, которые признавали меннонитом каждого колониста, принявшего крещение по вере, независимо от его социального и имущественного положения, но являвшегося выходцем из своей этнической среды. Таким образом, принадлежность колонистов к религиозной общине совпадала с их принадлежностью к сельской общине, в которую они были интегрированы по конфессиональному признаку. Отлучение от меннонитской церкви означало лишение члена общины всех прав и привилегий и вело к его изгнанию из колонии. В местные приходские общины принимались только лишь лица, полностью признававшие образ жизни меннонитов [5, с. 43; 6, с. 44].

Особой чертой меннонитов-переселенцев было их трудолюбие, экономность и аккуратность. Используя разнообразные достижения науки и техники, они привнесли существенный вклад в материальную и духовную культуру местного населения. Особое внимание меннонитами уделялось внешнему благоустройству населённых пунктов, пышно озеленённых декоративными кустарниками, деревьями, цветами, а также внешнему и внутреннему устройству жилищ. Важной частью усадьбы был колодец. В домах немцев были построены разнообразные отопительные сооружения: комнатные печи, специальное помещение позади здания, которое использовалось для отопления жилых помещений, каминные печи, кухонные печи, «подвальные» печи. Путешественники и исследователи XIX века неоднократно отмечали чистоту и опрятность, которая была характерна для жилища немцев.

Колонисты занимались весьма распространёнными видами хозяйства: земледелием, скотоводством, садоводством, огородничеством, шелкопрядством и виноградарством. Активно использовалось удобрение земельных участков. При переселении меннонитов из Пруссии в Таврическую губернию, в район реки Молочная ими была завезена восточно-фризская порода коров. Постепенно происходит скрещивание завезённой породы с местной коричневой украинской породой. К 60-м годам XIX века был выведен новый тип «красной немецкой коровы», «красной немки» или, как её называло местное население – «немки» [7, с. 26].

Для меннонитов, переселившихся в Таврическую губернию, была характерна своя особая духовная культура. Главными праздниками в общинах меннонитов были воскресные дни, Новый год, Рождество Христово, пятница страстной седмицы, Пасха и день Святой Троицы. С особым вниманием они относились к обучению детей. В. Ю. Ганкевич указывает на то, что в начале XX в. по инициативе «Меннонитского общества поощрения образования» было открыто частное училище 1 разряда. Срок обучения в этом учебном заведении составлял 7 лет. В училищах этого типа была довольно насыщенная учебная программа. Учащиеся изучали 12 предметов: Закон Божий, немецкий и русский языки (с изучением правил грамматик и литературы), математику (с преподаванием основ арифметики и геометрии), историю, географию, естественную историю, физику, французский язык, рисование и черчение. Факультативно изучался латинский язык [8, с. 58]. С.Г. Кащенко в статье «Система образования крымских немцев» отмечает, что крымские немцы в начале XX века знали русскую грамоту лучше, чем сами русские, проживавшие на полуострове. По-русски умели писать и читать 51% мужчин-немцев и 32% женщин-немок, тогда как среди русских эти показатели соответственно составляли 37% и 16% [9, с. 34]. Л. И. Дайнеко в работе «Немецкие колонии в Крыму» пишет: «Среди колонистов почти не было неграмотных. Практически каждый посёлок, как бы мал он ни был, заводил собственную школу. Содержались они на средства сельского общества, иногда с пособием от земства. Имели церковно-религиозный характер и часто совмещались с молитвенными домами» [10, с. 62]. В этой же статье Л.И. Дайнеко отмечает, что в сравнении с немецким населением, в волостях с болгарским населением процент грамотности составлял 6–7%, а с русско-татарским – 3,8 %. Вопросы о положении в системе образования, о положении училищ, о направлении меннонитов за границу для получения церковного образования постоянно обсуждались на съездах меннонитов [11].

Меннониты Крыма, проживающие в Евпаторийском, Симферопольском и Перекопском уездах, были объединены в Спатскую меннонитскую общину [12]. В середине 20-х годов XX в. на полуострове в 47 колониях (деревнях) проживало около 5500 меннонитов, объединённых в Союз меннонитов Крыма, председателем которого являлся Генрих Мартинс [13].

Меннониты Крыма по своим религиозным воззрениям не были однородны. Так Спатская меннонитская братская община принадлежала к «новоменнонитскому» направлению, которое в 1860 году откололось от «староменнонитов» и оформилось на основе движения «гюпферов» или «прыгунов». Подобные общины существовали в Германии с начала XIX века. В 1818 году одна из таких общин переселилась в Россию из Вюртемберга и обосновалась в колонии Ней-Гоффнунг Бердянского уезда Таврической губернии. С 1845 года её руководителем стал бывший лютеранский пастор Эдуард Вюст, по имени которого впоследствии и было названо всё движение. «Вюстисты» способствовали возникновению в меннонитстве «гюпферства»[14;15]. В 1882 году от меннонитов отделились «последователи истинной христианской веры». Они образовали свою секту «Апостольские христиане». Во главе новой секты стал Герман Генрихович Петерс – поселянин Бердянского уезда. Ю.Н. Лаптев в работе «Немецкие религиозные общины немцев (XIX – начало XX в.) обращает внимание на то, что учение данной секты было намного строже, чем у других меннонитов. Секта

должна была подчиняться только «святой воле Спасителя», т.е. последователи «истинной христианской веры» могли подчиняться только Богу. В то же время, данное учение предписывало верить в то, что начальство тоже установлено Богом. Последователи этой секты считали себя обязанными подчиняться законам, возносить молитву за государя-императора. Поставленных над ними начальников они уважали, так как те «охраняли их от обид», но исполнять требования, которые противоречили их учению, они не имели права [16, с. 45].

Из-за своих религиозных убеждений меннониты Таврической губернии оказались в сложном положении в период Крымской войны 1853–1856 годов. С одной стороны, являясь законопослушными, почитающими власть гражданами государства, на территории которого они проживают, они должны были поддержать ее в период военных действий, но с другой стороны, являясь сторонниками религиозного мировоззрения, в основе которого были положены принципы пацифизма, меннониты отказывались принимать участие в военных действиях. Данное противоречие привело к тому, что среди меннонитов, проживавших в Таврической губернии, появились сторонники переезда в Америку. Л.И. Дайнеко, ссылаясь на факты, приведённые А. А. Велицыным в работе «Немцы в России» 1893 года издания, сообщает такую деталь: меннонитская община Апенфельд (Анненфельд), действовавшая в Крыму, послала церковного старшину в колонию Александерволь Бердянского уезда для обсуждения вопроса о воинской повинности и возможном переселении в Америку с генерал-губернатором Тотлебеном, которому правительство поручило убедить меннонитов не покидать пределов России. Тотлебену не удалось убедить меннонитов. Представители Александровского общества и Апенфельдский (Анненфельдский) церковный старшина вновь явились к нему с прошением, настаивая на том, что исповедуемая ими религия воспрещает всякое, даже косвенное, подчинение военному закону. Меннониты просили разрешения на выезд из России и ходатайствовали об ускорении выдачи им паспортов [17, с. 60]. Завершив поездки по южным губерниям, генерал Тотлебен делает любопытный вывод. Принято считать, что меннониты отказывались служить в армии, так как это противоречило их религиозным установкам. Однако Тотлебен отмечает, что он встречался с меннонитами, которые не отказывались служить в армии и даже желали бы пойти на такой шаг. Генерал также отмечал, что намерение выселиться из России присутствовало и у немцев, исповедовавших другие религии, в частности – лютеранство, так как доверие к правительству у них было сильно подорвано слухами о предстоящей русификации колоний и введении в школах обязательного преподавания всех предметов на русском языке, а также о соединении русских и немецких селений в одну волость. Данные слухи имели под собой серьезное основание. Такое постановление было принято в 1897 году, однако через 10 лет, в 1907 году вновь было восстановлено преподавание на немецком языке [18, с. 61].

Следует отметить, что не все меннониты были столь категоричны в отношении своей помощи военным. А.Г. Кожекин в работе «Помощь немецкого населения Таврической губернии российской армии во время Крымской войны 1853–1856 гг.», ссылаясь на свидетельство командира Тарутинского егерского полка генерала-майора Волкова, сообщает, что во время разлива реки Молочной, с 25 по 31 марта 1854 года, жители меннонитских колоний Бердянского уезда оказали российским войскам «отменнейший приём». Все без исключения немецкие колонисты оказали военным прекрасный прием: кофе, чай, обед, ужин…пиво и вообще всё, что было лучшего в хозяйстве предлагали каждому» [19, с. 50]. Много раненых было принято колонистами на полное попечение и содержалось за их счёт. После кровопролитных сражений на р. Альма (20 сентября 1854 г.) было решено направлять больных и раненых в северные уезды Таврической губернии. Немецкие колонисты согласились принять 132 человека – из расчёта 1 раненый на 100 душ мужского пола. Однако в ноябре 1854 года прибыло более 1500 больных и раненых воинов. Все они, в том числе и инфицированные больные, были размещены в удобных домах, нанятых колонистами за свой счёт, в основном в Пришибе и Гальбштадте (Молочанский округ), где имелись доктора. При этом больным и раненым выдавались постели и «улучшенная пища». В марте 1854 года молочанские колонисты согласились принять еще одну тысячу человек взамен выздоровевших воинов. Для перевозки раненых использовались преимущественно колонистские подводы, которые доставляли в Симферополь провиант и фураж [20, с.51]. А.Г. Кожекин, сообщая о помощи немецких колонистов и, в частности меннонитов, русским войскам в период Крымской войны, использует воспоминания участника этих событий русского офицера П. Алабина. В своих воспоминаниях П. Алабин писал о том, что жёны и дочери немецких колонистов приняли на себя «священную обязанность сестёр милосердия», сами перевязывают раны…и не допускают правительство ни до каких издержек для тех, кого они взяли на своё попечение… Говоря о непосредственной помощи меннонитов Молочных Вод, Алабин называет цифру – 5000 раненых и больных [21, с. 51].

С началом первой мировой войны немецким колонистам пришлось столкнуться с огромным количеством серьезных проблем. В российской печати развернулась активная пропагандистская кампания против Германии и немцев, проживающих в России [22, с. 31]. Немецкое население обвинялось в пособничестве германскому правительству. 26 июня 1914 года на экстренном заседании Государственной Думы прозвучало заявление о том, что русскоподданные немцы, на которых некоторые лидеры Германии смотрят как на свои форпосты, в действительности верноподданные русского государства, и необходимо прекратить оскорбление законопослушных граждан государства. Газеты за 1914 год пестрят

сообщениями об оказании помощи русской армии людьми разных национальностей, среди которых были и немцы. Меннониты Крыма оказывали государству помощь в период военных действий: они изготовляли для раненых бельё и необходимые предметы, жертвовали крупные суммы денег, продовольствие, помогали семьям, в которых мужчины были призваны в армию [23, с. 63]. В газете «Южные ведомости» в ноябре 1914 была опубликована статья, в которой немцы-меннониты характеризуются как «трудолюбивые, нравственные и трезвые крестьяне, которые не могут быть пособниками врага» [24, с. 63].

В лютеранских и католических церквах, в молитвенных домах меннонитов с начала войны и на протяжении 1914 года проходили молебны о здравии императора и всего царствующего дома, а также о даровании победы русской армии [25, с. 66].

Однако, несмотря на подтверждённые фактами примеры активной, самоотверженной помощи немцев, и в частности меннонитов, в первой мировой войне, в России возникают антинемецкие настроения. Участились доносы местного населения, как правило, необоснованные, на немцев, которые, якобы, занимаются шпионажем. После объявления Германией и Австрией всеобщей мобилизации, все немецкоподданные мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет, проживающие в Таврической губернии, были объявлены военнопленными, арестованы и началась их высылка из губернии. С августа 1914 г. выселением стали заниматься органы МВД – городские и уездные полицейские управления. Постепенно недоверие властей стало распространяться и на немцев – подданных России: устанавливался надзор со стороны полицейских, жандармских, военных и церковных органов, а затем была осуществлена высылка немцев – подданных России, которые по мнению местных властей, имели антирусские настроения [26, с. 67]. В Думе готовился Указ о ликвидации немецкого землевладения в России. В ноябре 1914 г. Таврический губернатор Н.Н. Лавриновский выехал по вызову в Петроград для участия в обсуждении законопроекта о ликвидации немецкого землевладения [27, с. 63]. Совет министров 13 декабря 1915 г. внёс законопроект о немецком землевладении в России, который был утверждён. В нем говорилось о том, что в пределах всего государства немцам (отдельным лицам и товариществам) запрещалось приобретать в собственность или арендовать внегородское недвижимое имущество; им запрещалось арендовать земли на основании устных договоров; принудительное отчуждение распространялось и на надельные земли сельских обществ [28, с.70]. В русской прессе и в общественном мнении началось активное обсуждение этого документа. Факт лишения немцев землевладения оценивался как большое потрясение для всего делового Крыма, так как это приводило экономику, в определённой мере, к кризису: страдали банки, промышленные предприятия, крупные землевладельцы, частные лица. Немцы были связаны со всеми деловыми предприятиями Крыма. Пресса предлагала исключать из списка о конфискации те семьи немцев, чьи сыновья ушли на фронт. Но российское правительство пошло на поводу у крупных русских промышленников и землевладельцев, для которых немцы всегда составляли конкуренцию. 3 февраля 1915 года был опубликован закон о землевладении и землепользовании в государстве Российском, по которому иностранные выходцы немецкого происхождения либо их потомки должны были в течение 2 лет продать все своё недвижимое имущество. Действие закона не распространялось на лиц, доказавших свою принадлежность к православному вероисповеданию от рождения или переход в православие до 1. 01. 1914 г., свою родословную от участников и героев бывших на Руси войн. Этот закон был объявлен «краеугольным камнем в борьбе с немецким засильем в России». Об этом указывает Л.И. Дайнеко в работе «Немецкие колонии в Крыму», ссылаясь на материалы периодической печати того времени [29, с. 64]. Так государство «отблагодарило» своих верноподданных.

Но история приготовила для немцев-меннонитов новые испытания.

В период гражданской войны земли бывшей Таврической губернии стали ареной кровопролитных боёв между красной и белой армиями, а также всевозможных бандитских объединений типа банд Нестора Махно. Немцы-меннониты старались сохранять нейтралитет, в соответствии со своими религиозными канонами. Ю.Н.Лаптев в работе «Революция и гражданская война (1917–1920 гг.) в судьбе немецкого населения Крыма», ссылаясь на А.Н. Ипатова, сообщает о том, что в меннонитских колониях северных уездов Таврической губернии были созданы «отряды самообороны». Причиной их создания стала крайне сложная ситуация: разгул махновщины и других вооруженных формирований, которые часто нападали на немецкие поселения [30, с. 81]. Ю.А. Катунин в книге «Православие Крыма в годы первой мировой и гражданской войны (1916–1920 гг.)» пишет об участии меннонитов в борьбе с большевиками на стороне армии Деникина. Зимой 1918 года в армии Деникина из числа меннонитов был создан полк, боровшийся против красной армии. Значительная часть полка перешла на службу к Врангелю. Из них был создан батальон, который совместно с офицерскими отрядами защищал Турецкий вал и Ишуньские позиции[31].

Информацию о создании воинских частей из числа верующих меннонитов подтверждает военный прокурор армии Врангеля И.М. Калинин. Он пишет о том, что после прихода Белой армии летом 1920 г. в Бердянский уезд, местные меннониты сформировали свой религиозный полк. Вместе с тем, Калинин отмечает, что об участии меннонитов в военных действиях в Крыму ему ничего не известно [32, с. 61-63].

В работе «Церковь и Гражданская война на юге» Б. Кандидов приводит ряд архивных документов, подтверждающих участие в белом движении представителей «иноверческих» религий [33, с. 295].

Объяснением того, почему немцы-

меннониты взяли оружие, могут служить слова из письма колонистов Крыма от 30 апреля на имя Л.Б. Каменева, П. Е Дыбенко, в котором они говорят о том, что их целью было исключительно «поддержание внутреннего порядка» и т.д.[34, с. 82].

Архивные материалы свидетельствуют о том, что немцы-колонисты, проживавшие в Крыму, не являлись на призывные пункты во время врангелевской мобилизации в октябре 1919 г. Причиной такого бойкота являлся страх немцев перед мщением со стороны большевиков и махновцев «как это испытали немцы-колонисты Мелитопольского уезда…»[35].

Помимо указанных выше возможных причин того, что немцы-колонисты оказались на стороне воевавших в период военных действий гражданской войны, можно назвать и следующие факты. Мобилизация в ряды армии Деникина и Врангеля проводилась принудительно. Документы свидетельствуют о том, что в адрес Таврического губернатора графа Татищева была направлена докладная записка от имени правления Союза крымских немцев, в которой говорилось о нарушениях во время проведения мобилизационных мероприятий: во-первых, под предлогом сбора дезертиров в колониях мобилизовывались мужчины в возрасте до 35 лет, при этом «белые» билеты не признавались; во-вторых, сборы в колониях проводились без официального объявления, колонистам приказывалось «молчать, не разговаривать»; в-третьих, некоторые деревни вначале окружались вооружёнными людьми, на улице для устрашения выставляли пулемёт, а затем созывалось общество, и мужчины от 18 до 40 лет объявлялись мобилизованными. Всем было приказано направляться в Симферополь, хотя мобилизованные по правилам должны были вначале явиться к воинскому начальнику своего уезда; в-четвёртых, если на месте не находили преследуемого дезертира, то наказывали родственников – «реквизировали», то есть просто отнимали, лошадь или корову. В записке сообщалось об избиениях, сборах продуктов, посуды, белья, которые объявлялись добровольными, но если добровольно не сдавали, то к этому просто принуждали [36]. Есть сведения о том, что в некоторых местах молодым немцам, не желавшим служить в армии, угрожали шомполами, а иногда и применяли их, т.е. избивали [37].

Архивные документы показывают, что немцы-меннониты старались проводить политику невмешательства в вооружённую борьбу. Немцы оставляли оружие и покидали воинские части. Губернское начальство пришло к заключению, что духовных лиц меннонитов: проповедников, благовестников, учителей-кистеров разумно освободить от призыва с предоставлением списка духовных лиц в мобилизационную часть через Таврического губернатора [38].

Однако уже после окончания гражданской войны в 1921 г. в Токмакском уезде у меннонитов органами ГПУ было изъято 278 сабель, 298 гранат, 728 винтовок, 170 обрезов, 171 револьвер и 40849 патронов. Это свидетельствует о том, что оружие в период гражданской войны стало одним из важнейших атрибутов в жизни многих менонитских общин[39, с.60].

Советскую власть немцы встретили настороженно. Среди немецких колонистов в первой половине 20-х годов 80% составляли середняки и зажиточные крестьяне-собственники. Процент крупных землевладельцев и малоимущих был низок. Немцы были причислены к классу эксплуататоров, несмотря на то, что они трудились на равных вместе с наёмными рабочими. Исходя из «революционных» интересов, земли немецких колонистов сократили в 2 раза, тогда как наделы всех других народов были значительно расширены. Отрицательное отношение немцев к коллективизации заставило многих из них эмигрировать [40, с. 66-67].

В мировоззрении меннонитов, оставшихся в Крыму, к концу 20-х годов XX века стали происходить сложные изменения. В монографии Ю.А. Катунина «Православие Крыма в 1917–1939 годах: проблема взаимоотношений с государством» приводится следующая информация. В октябре 1929 года о желании служить в армии заявили верующие меннониты Крыма. На состоявшемся в начале октября 1929 года в д. Ялантуш-Немецкий Воинского сельского совета Джанкойского района собрании меннонитской организации было принято дополнение к уставу религиозной общины, в котором говорилось о том, что служба в армии является почетной обязанностью верующих-меннонитов

Решение Ялантушской общины оказало серьезное влияние на другие меннонитские общины Крыма. В середине октября 1929 года в газете «Красный Крым» была опубликована декларация крестьян-меннонитов, подписанная 42 верующими деревни Карасан (8 человек), д. Че-Че (2 человека), д. Аджи-Мамбет (3 человека), д. Спат (12 человек), д. Эсенбак-Ишунь (4 человека) и т.д., в котором они объявили о своем желании защищать советскую власть с оружием в руках [41, с. 247[

В пункте 1 декларации было записано: «Следя за международным положением последних лет, мы убедились, что единственное государство в мире, которое искренне не хочет войны, – это СССР. Поэтому оборона такого государства есть долг каждого сознательного гражданина» [42, с. 247[.

В следующих пунктах декларации данная группа верующих обвиняла своих лидеров в политиканстве. В их заявлении они отождествлялись с кулаками: «Известно, что проповедники идут в ногу с кулачеством, ибо интересы у них одинаковы. И когда в 1918 году интересы кулачества потребовали создания реальной защиты, то они сумели через посредство проповедников создать так называемую «вооруженную самооборону», и проповедники санкционировали меннонитам взять в руки оружие и убивать им людей. Но кого? Бедноту, дерзнувшую взять революционным путем излишки хлеба у кулаков. А когда дело касается обороны страны трудящихся, тогда проповедники говорят, что их вероучение запрещает брать в руки оружие и приводят, как бы в доказательство этого, заповедь –

не убий» [43, с. 247[.

Эта декларация свидетельствовала о расколе в среде меннонитов. В основе раскола был классовый принцип, насаждавшийся в эти годы в общественном сознании. Декларация оказала серьезное идеологической воздействие на верующих других конфессий, отказывавшихся от службы в армии под прикрытием религиозных убеждений.

Сразу же после публикации приказов НКВД СССР и Крымской АССР 39 молодых верующих-меннонитов призывного возраста из различных деревень Крыма приняли решение о службе в красной армии.

К 1939 году в Крыму были закрыты все церкви. На полуострове действующим был лишь один храм, принадлежавший «обновленческому» течению православной церкви. Насильственно были закрыты и все менонитские приходы.

В первые месяцы после начала Великой Отечественной войны с территории Крыма были депортированы представители немецкого народа, среди которых были и сторонники меннонитов.

Таким образом, меннониты, переселившиеся в Таврическую губернию в XVIII, оказали колоссальное влияние на развитие духовной культуры народов проживавших в этом регионе.

Источники и литература

1. Христианство. Словарь. М., 1994. – С. 273.
2. Энциклопедия. Религии мира. – Т. 6. – Ч. 1. – М., 1994, с. 273.
3. Христианство. Словарь. М., 1994. – С. 273.
4. Лаптев Ю.Н. Переселение немцев в Крым и основание колоний (XIX в.) / Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. – Симферополь, 2000. – С.18
5. Остроух И.Г., Шервуд Е.А. Немцы в России (исторический очерк) // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 3. – С. 43.
6. Лаптев Ю.Н. Немецкие религиозные общины (XIX– начало XX в.) / Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. – Симферополь, 2000. – С.44.
7. Лаптев. Традиционная бытовая культура немцев в Крыму (XIX– 20-е годы XX века) / Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. – Симферополь, 2000. – С. 26.
8. Ганкевич В.Ю. Система народного образования в немецких колониях Таврической губернии на рубеже X1X – XX вв. / Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. – Симферополь, 2000. – С. 58.
9. Кащенко С.Г. Система образования крымских немцев // Сурб-Хач, 1998. – Декабрь. – С. 34.
10. Дайнеко Л.И. Немецкие колонии в Крыму. // Сквозь века. – 1995. – № 1. – С. 62.
11. ГААРК. – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 4330.
12. ГААРК. – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 9603.
13. ГААРК. – Ф. Р. 663. – Оп. 1. – Д. 242. – Л. 33.
14. Иванов А.Н. Меннониты. Вопросы формирования этноконфессиональной общности. – М., 1978.
15. Крестьянников В.Ф. Меннониты. – М., 1967.
16. Лаптев Ю.Н. Немецкие религиозные общины (XIX – начало XX в.) / Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. – Симферополь, 2000. – С.45.
17. Дайнеко Л.И. Немецкие колонии в Крыму. // Сквозь века. – 1995. – № 1. – С. 60.
18. Там же. – С. 61.
19. Кожекин А.Г. Помощь немецкого населения Таврической губернии Российской армии во время Крымской войны 1853–1856. / Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. – Симферополь, 2000. – С. 50.
20. Там же. – С. 51.
21. Там же.
22. Кащенко С.Г. Немецкое население Крыма в годы первой мировой войны // Проблемы истории Крыма. – Симферополь, 1991. – Вып. 2. – С. 31.
23. Дайнеко Л.И. Немецкие колонии в Крыму // Сквозь века. – 1995. – № 1. – С. 63.
24. Там же.
25. Лаптев Ю.Н. Положение немцев в Крыму в годы первой мировой войны / Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. – Симферополь, 2000. – С.66.
26. Там же. – С. 67.
27. Дайнеко Л.И. Указ соч. – С. 63.
28. Лаптев Ю.Н. Положение немцев в Крыму в годы первой мировой войны / Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. – Симферополь, 2000. – С.70.
29. Дайнеко Л.И. Указ. Соч. – С. 64.
30. Лаптев Ю.Н. Революция и гражданская война (1917–1920 гг.) в судьбе немецкого населения Крыма / Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. – Симферополь, 2000. – С.81.
31. Катунин Ю.А. Православие Крыма в годы первой мировой и гражданской войны (1916–1920 гг). – Симферополь, 2000.
32. Калинин И.М. Под знаменем Врангеля: заметки бывшего военного прокурора. – Ростов-на-Дону, 1991.
33. Кандидов Б. Церковь и Гражданская война на юге. (Материалы к истории религиозной контрреволюции в годы Гражданской войны). – М., 1931.
34. Лаптев Ю.Н. Революция и гражданская война (1917–1920 гг.) в судьбе немецкого населения Крыма / Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. – Симферополь, 2000. – С.81.
35. ГААРК. – Ф. Р.2235. – Оп.1. – Д.245. – Л. 6–7, 8.
36. Лаптев Ю.Н. Революция и гражданская война (1917–1920 гг.) в судьбе немецкого населения Крыма / Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. – Симферополь, 2000. – С.84.
37. Там же.
38. Там же. – С. 85.
39. Катунин Ю.А. Православие Крыма в 1917–1939 годах: проблема взаимоотношений с государством. – Симферополь, 2002. – С. 60.
40. Дайнеко Л.И. Указ. Соч. – С. 66–67.

41. Катунин Ю.А. Православие Крыма в 1917–1939 годах: проблема взаимоотношений с государством. – Симферополь, 2002. .
41. Там же. – С. 247
42. Там же. – С. 248.
43. Там же.

Мусаева У. К.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ КРЫМА В 20-Х – 30-Х ГОДАХ XX ВЕКА В ЕВПАТОРИИ

Данное исследование проведено в русле проблемы изучения Крыма в период Крымской АССР. Оно проводилось в рамках научно-исследовательской госбюджетной темы «Этнокультурные проблемы народов Крыма» (шифр Таврического национального университета им. В. И. Вернадского – 169/97) и координационного плана Министерства просвещения и науки Украины «История этнонациональных процессов в Украине» (регистрационный номер: 05-04-МВ/97).

Данный аспект истории крымоведения не получил освещения в исторической литературе. До конца 90-х XX века его вообще игнорировали, а в последние годы вопросами биографистики деятелей крыскотатарской культуры занимался профессор Д. П. Урсу, в публикациях которого названы основные направления этнографических исследований в Крымской АССР. В публикации Л. И. Рославцевой (2001 г.), в которой тезисно раскрыта роль П. Я Чепуриной в изучении ткачества крымских татар, не приведено ни одной ссылки на источники информации, что существенно снижает ее научный уровень. *Цель* данной публикации – охарактеризовать деятельность краеведов Евпатории в области этнографических исследований. *Задачи* статьи – на основе архивных документов, которые впервые вводятся в научный оборот, вернуть из забвения имя выдающегося подвижника краеведческих исследований той эпохи – П. Я. Чепуриной.

Одним из ведущих центров по изучению культуры народов Крыма в «Золотое десятилетие советского краеведения» являлся Евпаторийский археолого-этнографический музей, основанный в 1916 году благодаря подвижничеству заведующего раскопками и музеем в Херсонесе Лаврентия Алексеевича Моисеева и профессора Петроградского университета Михаила Ивановича Ростовцева [1]. Одновременно с археологической коллекцией было положено начало и этнографическому собранию. Музею была подарена коллекция караимских вещей. Уже к 1920-му году этнографические материалы, характеризующие культуру и быт караимов Крыма, занимали в музее «первое место» [2]. Это было связано с тем, что в Евпатории проживала наиболее многочисленная караимская община. Караимы свозили в музей рукописи, книги, предметы быта, религиозного культа. Помещением, где концентрировались экспонаты, стала городская библиотека.

Вопрос о выделении помещения для коллекции был решен только после окончательного установления Советской власти в Крыму. В феврале 1921 г. распоряжением начальника 46-й стрелковой дивизии Рабоче-Крестьянской Красной Армии для музея, который теперь именовался «Искусство старины» было выделено здание по улице Советской [3]. В протоколе заседания Евпаторийской секции ОХРИС от 20 июля 1921 г. отмечено, что «хотя научная классификация еще не окончена, но музей может быть открыт для широкой публики» [4]. Уже через 2,5 месяца там было собрано около двух тысяч экспонатов. (Более половины из них составляла нумизматическая коллекция). В отчетах о деятельности музея за 1921 год отмечалось, что здание музея, еще при принятии его, было в крайне неудовлетворительном состоянии. Поэтому сотрудники, прежде всего, были заняты ремонтом помещения, а уже потом взялись за формирование экспозиции и фондов. Предметы для этого отбирались из складов жилищного отдела и Наробраза. Особенно богатыми являлись коллекции японских вещей: эмали и ткани. Однако отсутствие витрин и полок препятствовало созданию полновесной экспозиции [5]. «Все же удалось сделать предварительную расстановку. Окончательная будет сделана, по возможности, скоро», – отмечалось в «Отчете» от 15 апреля 1921 г., – «Приступили к классификации, номеровке и составлению каталога, который вчерне почти готов» [6].

В 1921 г. была начата работа по созданию «Восточной комнаты». Этим занимался Восточный отдел музея. Нами выявлены рукописи доклада заведующей Евпаторийской секцией Крымохриса заведующей музеем «Искусство старины» П. Я. Чепуриной, зачитанный на секции ОХРИС, где планировалось усилить работу этого отдела музея. Здесь же приведено подробное описание проекта «Восточной комнаты»: «В глубине помещения устроить нечто подобное убранству сакли татарской». Докладчик констатировала, что «сейчас вещей уже достаточно, чтобы заполнить такую комнату» [7]. Действительно, по данным чернового каталога музея (1921 г.) в нем насчитывалось восточных тканей, ковров, чадры, паранджи – 213 единиц, художественной мебели – 22 единицы, различных восточных вещей 160 единиц [8].

В апреле 1921 г. на заседании Евпаторийской секции ОХРИС обсуждался вопрос о привлечении татарина в качестве заведующего «Восточной комнатой» и караимов для разбора караимских рукописей в архивном отделе секции [9]. Положение с сохранностью караимских рукописей в первые послевоенные годы было катастрофическим. В письме в Евпаторийский ревком от 15 июня 1921